
СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: ИДЕОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕОЦЕНКА

С. Розуфилд

Теорема двойственности указывает на то, что совершенные рынки и совершенное планирование являются взаимозаменяемыми при условии, что предпочтения покупателей являются идентичными (Kantorovich, 1965; Dorfman, Samuelson, Solow, 1958). Это побудило Абрама Бергсона, старейшину западной экономической советологии утверждать, что основное различие между американским демократическим свободным предпринимательством и советским социализмом заключается в сравнительной эффективности несовершенных рынков и несовершенных планов (Bergson, 1948). Единственным заметным отличием в сравнительной оценке Бергсона свободного предпринимательства и коммунизма, игнорирующей различия между вкусами «директоров» систем и потребителей, была относительная эффективность обоих конкурирующих процессов принятия решений (Там же). В ином случае, опираясь на теоретико-математические основы, предполагалось, что оба процесса являются жизнеспособными, длительными и робастными (Bergson, 1938).

Нет необходимости утверждать, что хотя эти выводы, полученные, в результате применения неоклассической теории и теории математического программирования, были небезосновательны, оказалось, что они, в конечном счете, вводят в заблуждение. Советская экономика не была столь производительной, долговечной или эффективной, как это предполагалось концепциями рациональной оптимизации.

© Розуфилд С., 2013 г.

Неуместная вера Бергсона в способность неоклассической теории и теории программирования верно оценивать перспективы советской экономики была отчасти связана с популярностью экономической теории, рассматривающей различные явления с позиции предложения (особенно анализ «затраты-выпуск» и линейное программирование (Davar, 2000)); признанием некоторых советских успехов и симпатией к убеждению в том, что когда-нибудь можно было бы выявить эффективную социалистическую экономическую парадигму (Bergson, 1966).

Однако это также отразило глубокий парадокс в основе маржиналистской экономической теории середины двадцатого века, в которой предполагалось с одной стороны, что индивиды и государства, действуя независимо и сообща, всегда делали рациональный выбор, как с точки зрения частного, так и национального интереса, хотя с другой стороны, непосредственное наблюдение показывало, что так не происходило (Rosefield, Ralph 2013). Оба предположения не могли быть верными, побуждая теоретиков выбирать, были ли решения о занятости, производстве, распределении ресурсов, финансах и распределении благ достаточно рациональными для того, чтобы оправдать неоклассический вывод или было бы важно построить корпус теории, основанной на смешанных принципах и включающей различные аспекты (Там же).

Благодаря непредусмотрительности Бергсон сделал неразумный выбор. Возможности эффективного советского планирования не было достаточно для того, чтобы адекватно калибровать действие системы, ее потенциал и выживаемость. И все же еще более непонятно, как ему следовало бы продвинуться в создании модели систем, которые охватили бы советские достижения, неудачи, потенциал и уязвимые места. Существует масса возможностей. Данное эссе сосредоточено на альтернативе: общем «идеократическом» подходе¹.

¹ Идеократический – понятие, используемое Мартином Малия для описания идеологически ве-

Метод подобный тому, который использовал Бергсон, упускает различные потенциально важные факторы, такие, как недостаточный совокупный макроэкономический эффективный спрос для того, чтобы прояснить большую картину и является уязвимым в этом моменте, но предоставляет возможность глубоко проникнуть в суть других сил, действующих со стороны спроса и институциональных системных факторов, внесших вклад в низкую эффективность и коллапс Советского Союза (Bergson, 1987, 1989, 1991, Rosefield, 1998). Данный метод является общим и может быть применен к западным и другим, «незападным» системам.

ИДЕОКРАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ

Слово «идеократический» связывает понятия «идея» (идео) с властью (kratos), и применяет поведения систем к мотивам (идеям), определяющим частный и государственный процесс принятия экономических решений. Любой мотив является определяющим. Он не должен быть идеальным, рациональным, оптимальным или эффективным и может быть идеологическим или культурным. То, что принимается во внимание, – это наличие некейнсианских потребностей (желаний), которые определяют индивидуальный и государственный выбор. Спрос покупателей должен регулироваться командным методом. Он должен управлять предложением, но не наоборот, как в моделях «затраты-выпуск» леонтьевского типа. Оптимальные и удовлетворяющие версии неоклассической экономической теории, подобные тем, которые представлены Полом Самуэльсоном и Гербертом Саймоном, яв-

домой государственной политики. Его не следует путать с идиократическим, означающим идиотическое руководство так, как это выражается в сатирической форме в культовом фильме «Идиократия», вышедшем в 2006 г. (см. Malia, 1994).

ляются особыми случаями идеократических систем, в которых потребители являются суверенами, заслуживающими вознаграждения, а государство действует как пассивный агент (Simon, 1957, Samuelson, 1947). Марксисты, напротив, полагают, что капиталисты узурпируют потребительский суверенитет путем контроля за деятельностью государства и рынков. Оба эти примера подразумевают, что суверены полностью рациональны, но в общем случае такого не предполагается.

МОСКОВСКАЯ ПАРАДИГМА

Идеократическая модель, изложенная здесь, как исключительная характеристика советского экономического поведения называется московской парадигмой. Понятие «московский» относится к системе правления, которая ассоциируется с Иваном III Васильевичем (Великим), Великим князем московским и всея Руси (1440–1505), который заложил основы государства российского, и его преемников, включая Ивана IV (Грозного). Она связывает советский стиль государственного управления с его докоммунистическим прошлым.

Спрос на такую парадигму, в основном, введом стремлением к авторитарной власти, необходимостью во внутренней поддержке режима, которая может быть зависимой, контролю и безопасности, инсайдерскому обогащению, предоставлению ренты (предоставлению менеджерских привилегий поборникам режима взамен на долю в производстве (Rosefield, 2007), сатисфакция (признание адекватных результатов без истощающего поиска более лучших результатов (Simon, 1957))², страте-

² Понятие сатисфакции (satisficing) впервые было введено Г. Саймоном для характеристики стратегии принятия решений, цель которой состоит в достижении некоего порога допустимости, в противовес концепции максимизации полезности, с учетом того,

гический оппортунизм (подготовка к тому, чтобы воспользоваться непредсказуемыми возможностями) и имперское развитие, а не рациональное и только максимизация полезности индивидами и государством. Она может содержать элементы рационального выбора и эффективной максимизации полезности индивидами и государством, но эти мотивы являются второстепенными.

Парадигма в своем советском командном варианте сосредотачивает эффективный спрос в руках государственных органов³ (Grossman, 1963), вместо того, чтобы рассеивать его среди индивидуальных потребителей. Бергсон называет это «суверенитетом совета директоров». Лидеры коммунистической партии контролировали сторону предложения в экономике (монополию государственной собственности и предложения), включая производство и распределение. Они осуществляли выбор того, что производилось, и распределяли выпуск на альтернативное использование в качестве промежуточных затрат, инвестиций, государственного и частного потребления. Именно спрос лидеров коммунистической партии, а не рациональное индивидуальное стремление к максимизации полезности, определяло большую часть выпуска. КПСС временами стремилась к тому, чтобы полностью ликвидировать индивидуальный выбор путем рационализации потребительских благ, вместо того, чтобы продавать

что индивиды не обладают необходимым объемом когнитивных ресурсов для оптимизации (прим. пер.).

³ Командная теория Гроссмана (Grossman, 1963) может рассматриваться как ограниченный вариант бергсоновского неоклассического подхода, согласно которому плановики не способны разрабатывать оптимальные директивы. Анализ Алека Ноува приводит к подобным результатам (см. (Nove, 1977)). Оба подхода сконцентрированы на стороне предложения и терпят неудачу в попытке эндогенизировать идеократическую мотивацию, негласно признавая утверждение Коммунистической партии о том, что все, что она делала, было направлено на максимизацию благосостояния пролетариата.

их в местах розничной торговли (военный коммунизм), но во время реформы гражданам коммунистической эры было предоставлено право «потребительского выбора». Они могли приобретать потребительскую корзину товаров и услуг по государственным фиксированным ценам у поставщиков, которая предлагалась в местах розничной торговли. Потребительский спрос не определял характеристику, производство и розничное предложение, но он действительно придавал аспект рациональной максимизации полезности потреблению домашних хозяйств. Советские граждане, по выражению Бергсона, пользовались «потребительским выбором», но не «потребительским суверенитетом». Он считал это субоптимальным, с индивидуалистической точки зрения, но подобно советским теоретикам полагал, что государственные лидеры могли бы действовать как хорошие родители, препятствующие тому, чтобы дети осуществляли неразумный выбор, одновременно борясь за то, чтобы гарантировать социальную справедливость для каждого («для каждого по его потребностям»).

Таким образом, не было ничего, причиняющего беспокойство. В мотивах, целях и задачах, приписываемых советской командной модели. Коммунистическая партия претендовала на то, чтобы предоставлять индивидуальное и коллективное благосостояние со смешанными методами планирования и стимулов, что позволило Бергсону предполагать, что сравнительные достижения американской и советской системы должны быть выявляемы на основе данных о производительности факторов производства с поправкой на различия в стадиях американского и советского экономического развития (Rosefelde, 2005). Советские лидеры отстаивали с марксистских позиций точку зрения, что планирование превалирует над рынком, что оно предоставило бы более высокие жизненные стандарты, более быстрый рост и более высокий уровень социальной справедливости, чем его рыночный конкурент. Бергсон не оспаривал эту возможность, отмечая только, что в конечном счете

данный вопрос мог бы быть разрешен путем проведения теста на конкурентоспособность.

Его вывод был логичным по мере развития, но тем не менее дефектным, поскольку он рационализировал «московскую» мотивацию. Иван Великий и его последователи, включая Екатерину Великую, не были сыновьями и дочерьми «Просвещения». Они отвергали идею того, что государственное управление должно быть направлено на продвижение «универсальных» оснований для «резонного», демократии, индивидуальной свободы, частной собственности, свободного предпринимательства, справедливости и личного преуспевания (богатства народов), предпочитая программу стремления к авторитарной власти, внутренней поддержки, способной стать зависимой, контролю, безопасности, инсайдерскому обогащению, получению ренты, сатисфакции, стратегическому оппортунизму и имперскому расширению.

Эти цели могли, а в действительности и были изображены, как необходимые для благосостояния людей в контексте Просвещения, но на самом деле это была «пыль в глаза». Коммунистическое планирование и контроль, прежде всего, содействовало стремлению к авторитарной власти, культивации поддержки кадров, которых можно было бы сделать зависимыми, контролю и безопасности, инсайдерскому обогащению и имперскому расширению, достижимому при помощи предоставления ренты, сатисфакции и стратегического оппортунизма. Партия не обслуживала и не могла обслуживать людей, согласно заветам Просвещения, хотя ее приверженность методам предоставления ренты и сатисфакции за пределами фасада научного планирования придавали системе, по сути, неэффективный характер, как с точки зрения лидерства, так и общества. Это также сделало советскую экономику уязвимой к катастрофическому коллапсу, благодаря сокрытию разрушительного потенциала неограниченного предоставления ренты (Rosefielde, Headlund, 2008).

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: УНИКАЛЬНАЯ, НЕ УНИВЕРСАЛЬНАЯ

Советская экономика была уникальной, не универсальной, так как, прежде всего, она служила авторитарному вождю (*vozhd*), а не людям (*demos*). Во-вторых, вождь, в основном, ассоциировался с сильной национальной властью, военной мощью и стратегическим оппортунизмом в царистской традиции (Там же). В-третьих, вождь был гораздо более могущественным, чем западные президенты, что объясняет, почему лидеры коммунистической партии могли работать при более узкой прослойке социальной поддержки со стороны заинтересованных лиц. В-четвертых, вождь опирался в основном на систему предоставления ренты (дары с правом узурфрукта⁴, подлежащие отмене для поддержки мужской власти), при формировании политической поддержки и содействуя развитию экономического производства, а не на прилежный труд⁵, государственное микро- и макроэкономическое регулирование (управление, осуществляемое различными привилегированными заинтересованными лицами) или рыночную конкуренцию, которые являются инструментами, используемыми на Западе⁶. Рентные пожалования с правом узурфрукта всегда мог-

⁴ Узурфрукт – право пользования чужим имуществом и доходами от него (прим. пер.).

⁵ Предоставление ренты может быть интерпретировано как крайняя форма дарения, когда размер предоставленных привилегий превышает размер минимальных взяток.

⁶ Предоставление ренты – это правительственный метод, при котором авторитарные лидеры позволяют приближенным неформально управлять активами по своему усмотрению без строгой отчетности в обмен на обусловленную компенсацию и лояльность. Получатели ренты (реципиенты) не максимизируют прибыль. Они заключают договор субподряда и довольствуются тем, что имеют, каждый эксплуатируя нижестоящих на всех уровнях. Кроме того, предоставление ренты обычно ведет к ослабле-

ли быть отменены, делая лидера де-факто фригольдером государства (национализация средств производства). В-пятых, секретная полиция (КГБ) была конечным политическим механизмом принуждения. Она была более могущественна, чем законодательная власть, бюрократия и армия в утверждении воли *вождя*. В-шестых, не было долгосрочной «нормы закона» ни в государственных делах, ни в политике. В-седьмых, советские вожди полагались больше на сатисфакцию, чем на оптимизацию в преследовании своих целей. Они не пытались найти оптимальных решений на все проблемы (Rosefielde, Pfouts, 2013, Selten, 2005, Simon, 1957, Simon, 1990, Simon, 1991, Tisdell, 1996, Kahneman, 2003).

Кремлевские руководители не пытались построить завершённые утилитаристские целевые функции, которые имеют значение для Эрроу-демократической и Парето-рыночной эффективности (Arrow, 1906). Вместо этого они постоянно маневрировали и концентрировали в своих руках власть подобно мастерам позиционных шахмат с тем, чтобы можно было совершить внезапную атаку, когда откроется возможность. Стремление к радуге совершенного тоталитарного планирования и контроля или перспективной рыночной эффективности, с московской точки зрения (с точки зрения московской парадигмы) было врагом хорошего, даже хотя это отрицалось в это время⁷ (Blank, 2013). Западные лидеры также довольствуются теми результатами, которые они получают, но уделяют более серьёзное внимание идеалам.

В-восьмых, советские вожди и их сторонники за границей упорно отвергали сомнительное с их точки зрения утверждение о том, что московский авторитаризм деспотичен, настаивая на том, что все делается

нию конкуренции даже если оно затрагивает рыночную деятельность.

⁷ Блэнк делает такой же вывод, утверждая, что любой хороший историк царской России понимает, что система является фундаментально «несистемной или даже антисистемной».

во благо людей и нации. Авторитаризм, с их точки зрения, был первичен по отношению к демократии. До сих пор нам заявляют о том, что Сталин никого не покарал несправедливо и должен быть причислен к лику блаженных (Furr, 2013).

Эти отличительные черты, которые олицетворяли российские режимы от Ивана Великого до красного императора Сталина и сегодняшней «суверенной демократии» президента Владимира Путина⁸ составляли московскую «идеократию» Советского Союза. Они сделали СССР «уникальным», не универсальным обществом, основанном на принципах, которые каждый считает желательными и поставили его в положение непримиримого оппозиционера по отношению к западной концепции справедливого управления и широкого участия заинтересованных лиц (Huntington, 1996, Shleifer, Treisman, 2004, Rosefielde, 2005).

СОВЕТСКАЯ ИДЕОКРАТИЯ

Московский советский коммунизм имел четкую идеократическую миссию: сохранение и расширение авторитарной национальной власти, легко достижимой при помощи пожалования ренты и определяемой стратегическим оппортунизмом⁹. Советская идея редко выражала это напрямую и возвышенно приукрашивалась различными способами, но основные моменты были крепко усвоены правителями, приближенными и народом, даже

⁸ По заявлению Владислава Суркова, суверенная демократия – это общественное согласие с программами лидера (см. Lipman, 2006).

⁹ Стратегия близка к несатирической интерпретации II принципа Макиавелли, когда правители посягают на нравственность, но не испытывают угрызений совести по поводу того, чтобы воспользоваться днем, когда представится возможность (см. Machiavelli, 1532).

если они продолжают не поддаваться пониманию большинства наблюдателей на Западе. Советская аристократия была антитезисом платоновского, аристотелевского и гуманистского государства, основанного на рациональном порядке, правах полной земельной собственности, демократии, добродетели и справедливости и была менее безупречна, чем искаженная западная практика. Она была, по сути, антидемократической, антифриггидерской с точки зрения прав земельной собственности, антиконкурентоспособной, антиэгалитарной, антигуманистической и хищной (Gaddy, Partlett, 2013), но несмотря на это, риторической по отношению к противоположным свойствам.

Советская политика, экономика и гражданское общество отклонились от современных западных норм из-за московской идеократии. Они были невосприимчивы к частичной реформе, хотя ограниченные успехи в эффективности были всегда возможны. Кремль является неутомимым лудильщиком, и часто изменял светскую институциональную специфику, политические предпочтения и внешний имидж, не трансформируя систему при этом (Shroeder, 1979). Московская идеократия держала Советский Союз четко в стороне от ее предполагаемого общего Европейского дома (Gorbachev, 1987), пропасть, через которую нельзя было построить мост, только если одна из них или обе стороны не изменят своих фундаментальных основ.

ПОЖАЛОВАНИЕ РЕНТЫ, САТИСФАКЦИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОППОРТУНИЗМ

Советские лидеры от Ленина до Горбачева яростно отвергали то, что они антидемократичные, антиконкурентоспособные, антиэгалитарные, антигуманистичные и хищные. Они также утверждали, что советская власть была научно обоснованной и не имела ничего

общего с царистским прошлым. Утверждалось, что экономика детально и всесторонне планируется в интересах рабочих, не оставляя никакого места для деятелей, не наделенных особыми полномочиями, отмены директив Коммунистической партии, создающих правовую зависимость.

Эксперты понимали, что это было преувеличением. Советы не определяли потребности по максимизации полезности у 293 млн жителей и не планировали детально структуру, производство и распределение 27 млн товаров, которые они предпочитали. Госплан только составлял список целей для 125 (или примерно в таком количестве), которые затем административным путем распались на миллионы «мягких» директив, используемых для того, чтобы координировать выбор менеджеров, стимулируемым различными бонусами. Бергсон, опираясь на неоклассическую теоретико-методологическую базу, интерпретировал эту процедуру как грубую аппроксимацию Парето-эффективной оптимизации с выбором в пользу невнимания к аспекту сатисфакции (Bergson, 1964). Это оказалось серьезной ошибкой, потому что оно приписывало неэффективность неадекватным расчетным способностям, которые могли быть исправлены, не примиряясь с фактом того, что система никогда не была рассчитана на то, чтобы быть оптимальной.

Правители в московской традиции не беспокоятся по поводу оптимизации. Вместо этого они прагматично изобретают режимы, которые передают основное содержание их парадигмы и затем постоянно притесняют подданных за большее. Во времена Ивана IV сатисфакция выполнялась методом антиконкурентного наделения приближенных привилегией управления царским имуществом в обмен на фиксированные платежи в натуральной форме. Иван не говорил получателям ренты как управлять его владениями на микроуровне. Он предоставил это дело им, требуя только получение своей доли.

В советском варианте этой стратегии сатисфакции вводились дотошные предписа-

ния, директивы в сфере микропланирования, ограничения и стимулы по мановению руки приближенных, вникающих во все мельчайшие детали («красных директоров»), но этот контроль (включая фиксированную государством стоимость рабочей силы по марксистской оценке) были, в основном, неэффективны, так как красные директора неизбежно были вынуждены кое-как доводить дело до конца, так, как они могли, при этом максимизируя свою частную полезность в условиях мягких и нечетких ограничений. Вождь не знал, что он хотел получить в сфере производства на микроуровне, а красные директора не проявляли никакой озабоченности помимо максимизации бонусов, зависимых от санкционированных цен, и предотвращая гнев руководителя. Отношения не были формально названы «предоставлением ренты», но это именно то, чем она и являлась. Бергсоновский неоклассический подход скрывал реальное положение дел. Московская идеократическая альтернатива высвечивает это, выставляя на показ истинную колоссальную и неустрашимую неэффективность.

Советская система работала. Получатели бонусов, максимизирующие бонусы, всегда могли производить административно утвержденные продукты, а фиксирование цен позволяло большинству фирм получать прибыль, но не существовало никаких механизмов для того, чтобы специфицировать продукцию на микроуровне, чтобы оптимальным образом удовлетворить запросы потребителей и власть имущих. Каждый должен был обходиться с тем, что ему удавалось достать. Такие обычные люди, которые жили в эпоху царизма, получали очень немного, в то время как приближенные жили лучше, а правители процветали. Кроме того, коммунистическая партия в московской традиции могла получить достаточно узурфрукта, чтобы сохранить свою авторитарную власть как во внутренней, так и во внешней среде. КГБ никогда не испытывал голод в ресурсах, а Советский Союз был легитимной военной сверхдержавой (Rosefelde, 2005, Shlykov, 2002).

Ни один из этих результатов не носил случайного характера, также они не отражали мирские политические ошибки в рамках неоклассической концепции, предполагающей оптимизацию потребителя-суверена. Они были предсказуемыми последствиями Советской московской идеократической парадигмы. Коммунизм загнивал!

Советская система не была обречена на саморазрушение, но московская модель сделала его колоссом на глиняных ногах, уязвимым к внутреннему разрушению без автоматических механизмов самовосстановления. Это также было скрываемо неоклассическим подходом, который предполагал, что несмотря на криминализацию коммунистической партией частной собственности, рынков и предпринимательства, было бы достаточно применения производственных функций, методов программирования и планирования для того, чтобы направлять ресурсы на путь оптимального использования.

ИНКЛЮЗИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Большинство западных оценок постсоветской экономической системы продолжают полагаться на неоклассическую миопию бергсоновского типа. Они соединяют в себе виртуозные абстрактные концепции оптимизации с мотивацией суверенов. Это было бы безвредно, если бы потребители были суверенами, но правительство и культуры в большинстве случаев «играют первую скрипку» в этом процессе. Они являются истинными суверенами.

Претензия неоклассической экономической теории на то, чтобы быть всеобъемлющей и универсально применимой, представляет фиговый листок для их оскорблений, а также скрывает некоторые особые достоинства. Хотя это может использоваться как дубинка против правительства и в пользу освобожденных рынков (*laissez-faire*), она может

с такой же легкостью служить основанием и для противоположной позиции, утверждая только, что правительственные программы отражают волю людей. Впоследствии выводы, полученные из неоклассической теории, очень часто камуфлируют больше, чем они раскрывают, и не имеют никакого внушительного нормативного веса, только если они убедительно не дополняются другими методами.

Инклюзивная экономическая теория, включающая идеократический анализ, представляет антидот для этого (Rosefielde, Pfouts, 2013). Она признает неоклассическую теорию в качестве исходного пункта, но затем по ходу анализа смягчает допущения о суверенитете потребителя, неограниченной рациональности, максимизации, оптимизации, сатисфакции, сильной мотивации, когерентной структурой предпочтений, стабильными установками и рациональным взвешиванием. Затем она добавляет идеократическую, макроэкономическую, финансовую, институциональную, культурную и эволюционную теорию для получения всесторонней «позитивной» картины перед применением бергсоновских нормативных методов для того, чтобы оценить достоинства (Bergson, 1966, 1976). Этот подход неизбежно является эклектичным и искусственным, по сравнению с неоклассическим аксиоматическим выводом, но избегает предположения о том, что требуется продемонстрировать, о чем советский опыт ярко и свидетельствует.

Литература

- Arrow K. Social Choice and Individual Values, Wiley, 1951. Vilfredo Pareto, Manual of Political Economy, 1906.
- Bergson A. A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // Quarterly Journal of Economics. 1938. Vol. 52. № 1. Feb. P. 310–34.
- Bergson A. Comparative Productivity: the USSR, Eastern Europe and the West // American Economic Review. 1987. Vol. 77. № 3. June. P. 342–357.
- Bergson A. Social Choice and Welfare Economics under Representative Government // Journal of Public Economics. 1976. Vol. 6. № 3. Oct. P. 171–190.
- Bergson A. Socialist Calculation: A Further Word // Bergson A. Essays in Normative Economics. 1966. P. 237–42.
- Bergson A. The USSR before the Fall: How Poor and Why? // Journal of Economic Perspectives. 1991. № 5. Fall. P. 29–44.
- Bergson A. Socialist Economics // H. Ellis (ed.). A Survey of Contemporary Economics. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1948. P. 412–48.
- Bergson A. Essays in Normative Economics. Cambridge MA: Harvard University Press, 1966.
- Bergson A. Planning and Performance in Socialist Economies. Unwin and Hyman, 1989.
- Bergson A. The Economics of Soviet Planning, New Haven: Yale University Press, 1964.
- Blank S. Lt. Kizhe Rides Again: Magical Realism and Russian National Security Perspectives. Paper presented at the Annual Strategy Conference of the US Army War College, April 9–11, 2013.
- Davar E. Leontief and Walras: Input-Output and Reality. Paper presented at the International Conference on Input-Output Techniques, Macerata Italy, 21–25, August 2000 (http://www.iioa.org/pdf/13th%20conf/Davar_Leontief&Walras.pdf).
- Dorfman R., Samuelson P., Solow R. Linear Programming and Economic Analysis. N.Y.: McGraw Hill, 1958.
- Furr G. Khrushchev Lied. The Evidence That Every «Revelation» of Stalin's (and Beria's) Crimes in Nikita Khrushchev's Infamous «Secret Speech» to the 20th Party Congress of the Communist Party of the Soviet Union on February 25, 1956, is Provably False. Kettering, OH: Erythros Press & Media, 2011.
- Furr G. The Murder of Sergei Kirov: History, Scholarship and the Anti-Stalin Paradigm. Kettering, OH: Erythros Press & Media, 2013.
- Gaddy C., Partlett W. Russia's Financial Police State. The National Interest, July 19, 2013 (<http://nationalinterest.org/commentary/russias-financial-police-state-8746?page=1>).

- Gorbachev M.* Perestroika: New Thinking for Our Country and the World. N.Y.: Harper Collins, 1987.
- Grossman G.* Notes for a Theory of the Command Economy // *Soviet Studies*. 1963. № 15 (2). P. 101–123.
- Huntington S.* The West: Unique, Not Universal // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 75. № 6. Nov./Dec. P. 28–46.
- Kahneman D.* Maps of Bounded Rationality: Psychology for behavioral Economics // *The American Economic Review*. 2003. № 93 (5) P. 1449–1475.
- Kantorovich L.V.* The Best Use of Economic Resources. Cambridge MA: Harvard University Press, 1965.
- Lipman M.* Putin's Sovereign Democracy // *Washington Post*. 2006. July 15.
- Machiavelli N.* Il Principe, Antonio Blado D'Asola, Florence, 1532.
- Malia M.* The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991 // *The Free Press*, 1994.
- Nove A.* The Soviet Economic System. L.: George Allen & Unwin, 1977.
- Rosefielde S.* Comparative Production Potential in the USSR and the West: Pre-Transition Assessments // *Rosefielde S., ed. Efficiency and Russia's Economic Recovery Potential to the Year 2000 and Beyond*. Ashgate, Aldershot, London, 1998. P. 101–135.
- Rosefielde S.* Russia: An Abnormal Country // *European Journal of Comparative Economics*. 2005. Vol. 2. № 1. P. 3–16.
- Rosefielde S.* Tea Leaves and Productivity: Bergsonian Norms for Gauging the Soviet Future // *Comparative Economic Studies*. 2005. Vol. 47. № 2. June. P. 259–273.
- Rosefielde S.* Russia in the 21st Century: The Prodigal Superpower. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Rosefielde S.* Russian Economy from Lenin to Putin. N.Y.: Wiley, 2007.
- Rosefielde S., Hedlund S.* Russia Since 1980: Wrestling With Westernization. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Rosefielde S., Pfouts R.W.* Inclusive Economic Theory. Singapore: World Scientific Publishers, 2013.
- Rubinstein A.* Modeling Bounded Rationality. MIT Press, 1998.
- Samuelson P.* Foundations of Economic Analysis. Cambridge: Harvard University Press, 1947.
- Schroeder G.* The Soviet Economy on a Treadmill of Reforms // *In Soviet Economy in a Time of Change*. Washington, DC: Joint Economic Committee of Congress, 1979, pp. 312–66.
- Selten R.* What is Bounded Rationality? // *Gerd Gigerenzer and Reinhard Selton, eds, Bounded Rationality: The Adaptive Tool Box*. Cambridge: MIT Press, 2002. P. 13–36.
- Shliefer A., Treisman D.* Russia: A Normal Country // *Foreign Affairs*. 2004. March/April.
- Shlykov V.* Russian Defense Industrial Complex After 9–11. Paper presented at the Russian Security Policy and the War on Terrorism, U.S. Naval Postgraduate School, Monterey, CA, June 4–5, 2002.
- Simon H.* A Behavioral Model of Rational Choice // *Simon H. Models of Man: Social and Rational-Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. N.Y.: Wiley, 1957.
- Simon H.* A Mechanism for Social Selection and Successful Altruism // *Science*. 1990. № 250 (4988). P. 1665–1668.
- Simon H.* Bounded Rationality and Organizational Learning // *Organization Science*. 1991. № 2 (1). P. 125–134.
- Tisdell C.* Bounded Rationality and Economic Evolution: A Contribution to Decision Making, Economics, and Management. Cheltenham, UK: Brookfield, 1996.